

Крайнова Любовь Николаевна

ВЛИЯНИЕ СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНООБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Данная статья исследует распространение буддизма и влияние ламаистской церкви как один из факторов подчинения Монголии Китаю. Опираясь на источники XIX века, автор рассматривает буддизм не только как орудие подчинения данной территории соседнему государству, но и как фактор сохранения культуры, самобытности, самосознания монгольского народа. Основное внимание акцентируется на том, что буддизм, который использовался цинскими властями как орудие покорения монгольского народа, явился консолидирующей силой, способствовавшей его объединению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 96-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Афанасьева Э. М.** Обряд собирания трав как семиотический текст (на материале исследований фольклорной ситуации с. Ваганова) // Фольклор как форма творчества. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 13-24.
2. **Евзлин М. С.** Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993. 394 с.
3. **Зеленин Д. К.** Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. М.: Индрик, 1994. 398 с.
4. **Кайуа Р.** Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 293 с.
5. **Кассирер Э.** Философия символических форм. М. – СПб.: Унив. книга, 2002. Т. 2. Мифологическое мышление. 279 с.
6. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 512 с.
7. **Малиновский Б.** Магия. Наука. Религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
8. **Робертсон Смит У.** Лекции о религии семитов // Классики мирового религиоведения: антология. М.: Канон+, 1996. Т. 1. 493 с.
9. **Уткина А. Н.** Ритуал в контексте социально-философского анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. I. С. 185-187.
10. **Шацкий Е.** Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 455 с.
11. **Dupre L.** Rituals: the Sacralization of Time // Man and World – 19. Netherlands, 1986. P. 143-155.
12. **Wang T.** Ritual and the Moral Life. N. Y., 2012. 297 p.

**PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN CATEGORIES
OF MYTH AND RITUAL WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN
LINGUO-PHILOSOPHICAL APPROACH TO RITUAL ACTION INTERPRETATION**

Kirilenko Yuliya Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy
National Research Tomsk Polytechnic University
kirilenko_julia@list.ru

The purpose of this article is to analyze the problems of categorical distinction between myth and ritual within the framework of linguistic approach to the study of ritual. As a result, two main interpretations of myth are revealed. In the first case, myth is understood as an actual event, once happened and fixed in people's memory as a social archetype, renovating its value by means of ritual, in which it exists as a scheme or model. In the second case, myth is a certain spatial-temporal form, which is a kind of verbal substantiation for the existence of ritual practices.

Key words and phrases: ritual; myth; linguistic ontology; rite; mythological time.

УДК 94(517)

Исторические науки и археология

Данная статья исследует распространение буддизма и влияние ламаистской церкви как один из факторов подчинения Монголии Китаю. Опираясь на источники XIX века, автор рассматривает буддизм не только как орудие подчинения данной территории соседнему государству, но и как фактор сохранения культуры, самобытности, самосознания монгольского народа. Основное внимание акцентируется на том, что буддизм, который использовался цинскими властями как орудие покорения монгольского народа, явился консолидирующей силой, способствовавшей его объединению.

Ключевые слова и фразы: ламаизм; северный буддизм; ламаистская церковь; Монголия; Халха; шабинары; хутухты.

Крайнова Любовь Николаевна

Восточно-Сибирская государственная академия образования
krainovalyubov_75@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И СОЦИАЛЬНО-
ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

Религия во все времена играла большую роль в становлении государственной власти, как в древние времена, так и в средневековье, и в Новое время. Влияние религии и ее лидеров в современной политике также имеет большое значение. Религию использовали правители как средство объединения племен, подчинения одного государства другому, укрощения воинственности целых народов. Кроме того, благодаря религии распространялись грамотность, культурные и морально-этические ценности среди населения.

Мировая история знает несколько примеров, когда власть религии в государстве становилась выше светской и способствовала формированию теократического государства. Такие процессы происходили в разное время и в разных частях света, с участием различных мировых религий.

Классическим примером, несомненно, является Ватикан, который в Средние века подчинял себе огромную территорию Южной, Центральной Европы, сохранив до сих пор свой административный аппарат с экономической и политической системой, центром которой остается Ватикан, оказывая до сих пор существенное влияние на политическую и культурную жизнь многих стран мира. Во многих арабских государствах основным государственным законом до сих пор является Коран.

На Востоке в первой половине XX века было образовано два крупных государства, где власть принадлежала буддийскому духовенству в лице Далай-ламы и Панчен-ламы в Тибете (1913-1959 гг.) и Джебцзун-Дамба-Хутухте в Монголии (1911-1921 гг.).

В данной статье рассматриваются те стороны политической, социальной и культурной жизни Монголии, на которые буддизм оказал значительное влияние, и причины, способствовавшие возвышению власти буддийского духовенства над властью светских князей, повлекшие за собой установление впоследствии теократической монархии.

Кроме того, затрагивается проблема трансформации религии из союзника маньчжурских императоров при покорении монгольских племен в ту силу, которая стала консолидирующей в борьбе за свободу монгольского народа против власти Цинской империи.

Данная тема является актуальной в контексте современных исторических процессов, так как буддизм всегда оказывал и продолжает оказывать большое влияние на народы, проживающие в России на территории Южной, Восточной Сибири, Дальнего Востока, юго-восточной части Центральной России.

В XVI в. на территории Халхи впервые был построен буддийский монастырь [9, с. 168]. Однако сам буддизм проник на территорию Халхи задолго до этого события. Несомненно, ламаизм оказывал на общественную, политическую, социальную и культурную жизнь Монголии огромное влияние. Поэтому, «освещение исторического монгольского общества было бы неполным без учета тех реальных последствий, которые оказал на него буддизм» [11, с. 22].

Буддизм к XIX веку проник во все сферы жизни кочевников. Можно смело сказать, что власть ламы в Монголии сравнима только с властью католических священников в жизни средневекового европейца: «Ламаизм – это католицизм Востока, выделивший себя из среды своего народа и эксплуатировавший невежество монголов» [4, с. 85].

Одной из причин такого влияния было то, что буддизм являлся весомым помощником в борьбе за политическое господство маньчжурской династии над некогда воинственными монголами. Маньчжурские политики Цинской империи преследовали цель ослабления централизованной светской власти, так как сам по себе ламаизм «в сильнейшей степени способствовал укрощению некогда могущественных и строптивых кочевников и прежде всего тем, что учил их смирению и повиновению как светским, так и духовным властям» [14, с. 22], что также помогало завоевательной политике китайского правительства. Так, с помощью буддизма, по мнению историков начала XX в., политика Пекинского двора старалась ослабить воинственность монголов. Для этого использовались все методы: «...сея раздоры между князьями и прививая в стране буддизм, смягчавший своим учением дикие нравы. Развивавшаяся с течением времени здесь ламайская секта делала негодными для войны целую треть мужского населения, поступавшего в ламы и дававшего обет безбрачия. Этим же путем уменьшалась рождаемость» [11, с. 11].

Принесло свои плоды и то, что буддизм действительно способствовал укрощению монголов, что явилось благом для Китая, и, как отмечает И. А. Подгорбунский, «...управление Монголией посредством буддизма есть одно из самых важных политических соображений Китая» [12, с. 371].

Несомненно, что китайские императоры не могли недооценивать влияние лам и высших духовных иерархов на монгольских ханов, «...чьи панмонголистские устремления одной из своих составных частей включали восстановление союза: –ученик-наставник», имевшего место при дворе Юань. Поэтому, с целью ограничения их притязаний, китайцы стремились через монахов оказать влияние на ойратских ханов – тот же прием минский двор успешно осуществлял в отношении других –варваров” – тибетцев, монголов» [10, с. 104].

Таким образом, буддизм явился сильнейшим орудием в укрощении и завоевании монголов и подчинении цинским властям, которые, обеспечив себе опору среди крупных церковных феодалов, всячески поддерживали их как политически, так и экономически.

«Поддержка лам, затраты на распространение и упрочнение религии не шли ни в какое сравнение с расходами, связанными с карательными экспедициями на северные территории, тем более что чреватых поражением императорских армий, в частности от мобильных и мощных объединений ойратов» [Там же, с. 190]. Крупные финансовые вложения на постройку монастырей, жертвования скотом и крепостными – шабинарами привели к тому, что к середине XIX в. буддийская церковь Монголии во главе с духовным иерархом – Джебцзун-дамба-хутухта – стала самым могущественным феодалом.

Несмотря на то, что распространение буддизма активно поддерживалось и инициировалось со стороны китайского правительства как один из методов покорения монголов и ослабления светской власти, именно религия явилась тем консолидирующим звеном, которое объединило кочевые монгольские племена и создало религиозные центры, которые впоследствии явились основой для развития городов, как, например, было с Ургой. «Крепкий дух общей всем религии и влияния ламайского духовенства неизменно служили твердой связью между разбросанными в бесконечных степях кочевьями и пробудили тот взрыв единодушного национализма, который объединил решительно всю Монголию» [16, с. 8].

Глубокая религиозность народа, отсутствие централизованной светской власти привели к тому, что главной управляющей силой в государстве стало духовенство во главе с Хутухтой.

С одной стороны, религиозное влияние было столь велико, что способствовало подавлению воли монгольского народа к сопротивлению маньчжурской политике, консервировало естественное историческое, социальное и политическое развитие, имело влияние на демографическую ситуацию в стране, уменьшая численность населения. Но с другой стороны, именно буддизм способствовал развитию и сохранению монгольской письменности, литературы, искусства, самобытной архитектуры. Поэтому мнения многих историков на влияние буддизма на развитие Монголии противоречиво. Приведем здесь несколько высказываний.

Многие исследователи Монголии указывали на то, что ламаизм оказывал сдерживающее влияние на развитие монгольского общества. «Не будь лам... монголы были бы уже культурным народом, были бы земледельцами. По крайней мере, настолько умелыми, что в этом умении – обрабатывать землю и использовать ее производительную силу – не уступали бы сибирякам. И то, что есть Монголия сегодня, было бы преданием старины глубокой. Но благодаря высшему духовенству, этому слуге китайского правительства, этим иудам своего народа, именем религии властвующим над умами номадов, именем религии за подачку преследующим цели чуждого народу правительства... номады Монголии по складу жизни, по социально-экономическому своему состоянию едва, едва разнятся от первобытных народов» [7, с. 86].

По оценкам исследователей конца XIX – начала XX в., численность лам составляла более трети всего мужского населения. И, по оценке Н. М. Пржевальского, «ламское сословие составляет самую страшную язву Монголии, так как занимает лучшую часть мужского населения, живет паразитом за счет остальных собратий, своим безграничным на них влиянием, тормозит народу всякую возможность выйти из того глубокого невежества, в которое он погружен» [13, с. 382].

Ламаизм, в лице духовных феодалов, явился поработителем простых кочевников, которые львиную долю своих доходов отдавали монастырям и в казну хутухт, при этом сами, нередко, едва сводили концы с концами. Этой же точки зрения придерживаются и другие исследователи. «...Несмотря на выгодные условия, стада монгола в настоящее время уменьшаются, и он живет беднее, чем жил прежде. Главную причину этого служит ламаизм...» [5, ед. хр. 565, л. 23 об.].

Но как же и чем можно объяснить столь сильную преданность духовенству со стороны простого населения? Ведь этого невозможно добиться никакими законами и указами. На наш взгляд, на столь быстрое распространение буддизма повлияло три фактора.

Первый состоит в том, что на тот исторический период Монголия, как довольно изолированное государство, не имела другой религиозной альтернативы, так как миссионеры не доходили до этого отдаленного и заброшенного уголка земли. Второй фактор можно объяснить ментальной особенностью монгольского народа, его образом жизни и мировосприятия, а третий из указанных факторов объясняется основой самого учения, которое, попав в девственную благоприятную почву, дало столь крепкие всходы.

Как уже сказано выше, столь быстрому распространению буддизма и его прочного вхождения в жизнь номадов способствовал их образ жизни и мировоззрения. Приведем фрагмент из работы П. А. Бобрин, который своими рассуждениями дает довольно определенное объяснение данному предположению. «Кочевой образ жизни номада приближает его к природе, а постоянное созерцание ее без понимания окружающих явлений, за отсутствием каких бы то ни было знаний, располагает к одухотворению ее. Вместе с тем в виду ничтожности и ограниченности житейских интересов, предоставляет кочевым образом жизни, голова монгола свободна от соображений чисто практического характера, и этим облегчается переход его мысли от внешнего мира к миру абстрактному... Как следствие подобного состояния психики монгола, у него замечается понижение энергии в борьбе за существование... ведет его к гибели, и не даром китайцы со своей стороны сделали все, чтобы облегчить распространение среди монголов буддизма, который постепенно и завоевал все более и более доминирующее значение в жизни монгола. В настоящее время, можно сказать почти безошибочно, среди всего мужского поколения монголов половина лам» [2, с. 26].

Естественно, что буддизм, попав в ту благоприятную среду, которую описал П. А. Бобрин, закрепился и повлиял на дальнейшее изменение поведения монгол, укротив их воинственность и приведя к покорности. Как пишет Н. В. Богоявленский: «Кроме того, тут нужно видеть и влияние буддизма, который своим учением о нирване, как высшем идеале человека, убивает в монголе всякую предприимчивость, всякое желание добиваться лучшего положения и лучших условий жизни» [3, с. 80].

Да и сами основы вероучения также повлияли на распространение буддизма в Монголии за столь короткий промежуток времени. «Требование поклоняться ламе после обращения в буддизм сыграло большую роль в быстром росте влияния и авторитета буддийского духовенства среди народных масс Монголии в 16-17 вв. Широко пропагандировалось положение о том, что только ламы могут помочь верующим освободиться от оков сансары и встать на истинный путь спасения» [14, с. 32].

Благодаря данной основе вероучения, буддизм получил широкое распространение среди народных масс, и за сравнительно короткое время, «спустя всего 50 лет после постройки первого в Монголии монастыря Эрдэни-цзу, оконченного в 1586-87 гг., буддийское вероучение охватило всю страну» [1, с. 162]. Однако, заботясь о том, чтобы с помощью религии подавить дух сопротивления у монголов, китайское правительство, дав буддийской церкви большие привилегии и права, постепенно сформировало на данной территории настолько мощный институт теократической власти, которому впоследствии не составило особого труда противопоставить свою власть власти маньчжурских императоров и возглавить руководство страной. Это объясняется еще и тем, что в каждом родовитом семействе обязательно кто-нибудь из детей «рождался» хутухтой какого-нибудь значимого монастыря в Монголии. «Таков характер ламского

буддизма, что всякий, исповедующий его и желающий сделаться буддистом вполне, должен быть ламой; это высший идеал, к которому должен стремиться каждый монгол; поэтому и монгольские князья добивались чести попасть на высший религиозный пост; но тогда они являлись слишком сильными соперниками власти китайского правительства, вследствие чего правительство постаралось преградить им этот путь. Достаточно того факта, что в половине XVII столетия буддизм имел такую силу, что все монгольские князья непременно хотели иметь хутухту у себя, из своего рода» [15]. Таким образом, буддизм сформировал в Монголии не только институт власти, но и правящую элиту.

П. А. Ровинский пишет: «Как учителя веры и как врачи, они (ламы) имеют большое влияние на ханов, князей и на весь чиновный люд, а о массах и говорить нечего» [Там же].

Естественно, что наибольшим почитанием среди ламского сословия пользовались перерожденцы, которые являлись высшими ламами. Они приравнивались к божествам, им поклонялись как наделенным божественной силой. «Этих —жвых богов» монголы должны были почитать наравне с Буддой» [8, с. 228]. Н. М. Пржевальский говорит о безграничном влиянии хутухт и гыгенов на невежественных номадов: «Помолитесь святому, коснуться его платья или получить благословения считается великим счастьем, которое, впрочем, обходится недорого, так как всякий верующий должен непременно сделать при этом известное подношение, иногда довольно значительное» [13, с. 383].

Монголы были настолько глубоко религиозны, что оказывали дань уважения и почитания не только перерожденцам – хутухтам, но и самим монастырям: «Древние монголы-кочевники, подъезжая к монастырю, за полверсты слезали с коня и далее следовали пешком. Они останавливались против главных монастырских ворот и три раза кланялись до земли, затем три раза по солнцу обходили вокруг монастырской ограды и при этом старались повернуть каждое хурдэ. Только совершив все эти обряды, они могли войти в монастырскую ограду» [8, с. 228].

Несомненно, что, так же как и в истории многих других государств, монастыри, как центры религиозной жизни, сыграли большую роль в развитии городов. «В местах, имеющих особое религиозное значение для монголов... самое густое население; в них же по временам стекаются монголы из других мест. А потому эти местности наиболее оживленные и стали центрами также и торговой жизни степи» [5, ед. хр. 565, л. 24 об.]. Они привлекали как китайских, так и русских торговцев. Около дацанов первоначально устраивались лавки, затем появлялись целые торговые кварталы. Классическим примером города, начало которому положил монастырь, несомненно, считается Урга, современная столица Монголии Улан-Батор. Вокруг таких городов-монастырей складывались торговые пути, постепенно они превращались в административные центры, способствовали оседанию многих кочевников. «К началу XX в. такие крупные монастыри как Дзаин-хурэ, Вангийн-хурэ, Улангом и некоторые другие были уже не только религиозными, но и торгово-ремесленными и административными центрами. Постепенно они приобретали черты небольших городов» [6, с. 58].

Строительство монастырей, присоединение к ним земель, пастбищ, лесов сдерживало колонизацию китайцев и бесконтрольный захват ими территорий в Монголии. Как пишет В. В. Грайворонский, ламаизм «сыграл в процессе оседания двойственную роль, противоречивую роль: с одной стороны, он, несомненно, способствовал возникновению, сохранению и развитию форм оседлой жизни, главным образом связанных с религией (культурные сооружения, монастыри и т.д.), а с другой стороны, как постепенное изживавшая себя, консервативная и реакционная сила, тормозил прогресс страны в целом, в том числе и процесс оседания кочевников» [Там же]. И с этим выводом трудно не согласиться. Однако монастыри выполняли и важную социальную роль: многие из тех, кто не имел собственного скота и средств передвижения, оседали при монастырях, превращаясь в «борчул» и «харчул», и зарабатывали себе на жизнь тем, что выполняли поденную работу в хозяйствах монастырей [Там же, с. 61]. В монастырях доживали свои дни одинокие старики, в них находили приют вдовы и сироты.

Кроме всего прочего, как это не покажется странным, но в свое время монастыри выполняли и важную роль в сохранении многих животных, являясь для них своеобразным заповедником, так как на территории, принадлежащей монастырю, нельзя было охотиться. Это были традиции, которые охранялись законом: «В местах расположения монастырей деревьев, как растущих, так и высохших, не рубить. [Запрещается] рубить растущие деревья также и за оградой монастыря на расстоянии выстрела из лука» [17, ст. 9, гл. XII].

Однако благодаря монастырям в Монголии сохранились не только уникальные животные. Можно с уверенностью сказать, что монастыри явились центром сохранения монгольской культуры. И не только сохранением, но и распространением и приумножением. Распространение ламаизма в Монголии впоследствии во многом определило пути развития национальной культуры страны, ее искусства и зодчества [8, с. 228]. Ламы обладали значительным по тем временам запасом теоретических и практических знаний. Многие из них хорошо знали тибетский, маньчжурский и китайский языки. В монастырях хранились древние книги, в улусах ламы врачевали больных. Были среди них и философы, и астрономы [4, с. 78].

Монастыри обладали по тем временам богатыми библиотеками, в которых хранились книги на тибетском, китайском и монгольском языках. Переводились на монгольский язык книги и сказания. Действительно, ламаизм сыграл огромную роль в сохранении монгольского языка, развитии национальной литературы, живописи, распространении грамотности. Благодаря летописям, записанным и сохранившимся в монастырях, мы можем реконструировать многие исторические события Монголии средневековья и нового времени. При монастырях развивались науки, в них обучались искусству врачевания.

Таким образом, ламаизм сыграл значительную роль в истории монгольского общества и становлении его государственности. С одной стороны, он способствовал покорению монголов цинскими императорами, уменьшению численности населения, так как почти половина мужского населения принадлежала ламскому сословию, которое обязано было соблюдать целибат. Однако, с другой стороны, благодаря буддийским монастырям в Монголии сохранились самобытная культура, язык, письменность, они являлись центрами развития наук и распространения грамотности. Благодаря большому количеству земель, принадлежащих буддийскому духовенству, сдерживалась китайская колонизация и захват ими земель. Монастыри же способствовали оседанию кочевников, появлению и развитию городов. Используемый пекинским двором для ослабления светской власти буддизм явился объединяющей монгольский народ силой, и как показали события 1911 года, той единственной силой, которая сумела противопоставить себя слабеющей Цинской империи и явилась альтернативой светской власти.

Список литературы

1. **Азия:** иллюстрированный географический сборник / А. Крубер и др. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1904. 548 с.
2. **Бобрин П. А.** Монголия: очерк торгово-промышленного и административного быта (поездка в Монголию в 1913 г.). Владивосток: Далекая Окраина, 1914. 86 с.
3. **Богоявленский Н. В.** Западный застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 424 с.
4. **Братья Бутины.** Исторический очерк сношения русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тяньцзинь // Известия ВСОРО. Иркутск, 1870. Т. 1. № 4-5. С. 77-89.
5. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. 293 (Отделение ВСОРО). Оп. 1.
6. **Грайворонский В. В.** От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1979. 180 с.
7. **Дуброва Я. П.** Поездка в Монголию // Известия ВСОРО. Иркутск, 1886. Т. 16. № 1-3. С. 24-237.
8. **Ионина Н. А.** 100 великих монастырей. М.: Вече, 2006. 480 с.
9. **История Монгольской Народной Республики** / Е. М. Жуков и др. М.: Наука, 1967. 537 с.
10. **Китинов Б. У.** Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII-XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004. 190 с.
11. **П-ий Б. А.** Современная Монголия. Петроград: Типография «Север», 1915. 32 с.
12. **Подгорбунский И. А.** Очерки по истории буддизма. История северного буддизма // Прибавление к Иркутским Епархиальным ведомостям. 1900. № 1-18. С. 11-464.
13. **Пржевальский Н. М.** Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М.: Дрофа, 2008. 766 с.
14. **Пурбуева Ц. П.** «Биография Нейджи-Тойона» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 112 с.
15. **Ровинский П. А.** Мои странствия по Монголии (1871 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Rovinskij_P_A/text1.phtml?id=8086 (дата обращения: 29.11.2012).
16. **Томилини В.** Монголия и ее современное значение для России. М.: Верность, 1913. 20 с.
17. **Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в.** / пер. Ц. Ж. Жамцарано. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1965. 340 с.

NORTHERN BUDDHISM INFLUENCE ON MONGOLIA POLITICAL AND SOCIAL-PUBLIC LIFE AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Krainova Lyubov' Nikolaevna
Eastern-Siberian State Academy of Education
krainovalyubov_75@mail.ru

The article discusses the expansion of Buddhism and the influence of the Lamaist Church as one of the factors of Mongolia subordination to China. Basing on the sources of the XIXth century, Buddhism is considered not only as an instrument of this territory subordination to the neighboring state, but also as a factor of the preservation of the Mongolian people's culture, identity, and self-consciousness. Special attention is paid to the fact that Buddhism, which was used as an instrument to conquer the Mongolian people by the Qing authorities, was a unifying force that contributed to their integration.

Key words and phrases: Lamaism; Northern Buddhism; Lamaist Church; Mongolia; Khalkha; Shabinars; Khutuktus.